

ЗНАМЯ

2-й экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Орган левых социалистов-революционеров (Итернационалистов).

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ НАУКИ, ИСКУССТВА и ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ.

Издаваемый под редакцией Р. В. Иванова-Разумника, В. Е. Трутовского, О. Л. Чижикова и И. З. Штейнберга.

Прием по делам редакции и конторы ежедневно от 5—7 веч. Москва, Страстной бульвар, д. № 2.

ДВА ГОДА НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

За два года диктатуры пролетариата в экономической жизни страны можно отметить не мало светлых, но к сожалению, еще более мрачных явлений. Рамки статьи не позволяют мне остановиться на деталях этого вопроса и я принужден буду, по выражению поэта, пройти по вершине общего, принципиального обзора, не спускаясь в частности частностей. Содействует мне в этом лежащий сейчас предо мной официальный отчет В. С. Н. Х. («Два года диктатуры пролетариата 1917—1919»).

На предпоследнем съезде правящей партии была принята резолюция, в которой, констатируя разруху во всех областях народно-хозяйства, ставится практическая цель: «всемерное повышение производительности страны», немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимейших для населения продуктов». «Этой практической цели, говорится далее в резолюции, должно быть подчинено все остальное. Практическими результатами в этом отношении должна измеряться успешность работы каждого советского учреждения, связанного с народным хозяйством». К сожалению здесь не указана «мерка», единиц измерения, производительности и успешности в работе хозяйственных органов, так как «всемерное повышение» и «увеличение», понятия столь неопределен-

ны, что не могут сослужить этой роли. Если же имеется в виду поднять производительность в ближайшее время хотя бы до уровня переломных капиталистических стран, то это совершенно безудачная затея, при том общем положении, которое за все время, так называемой, диктатуры пролетариата, имеет место. В официальном отчете по поводу этой резолюции сказано буквально следующее: «Тяжелейшая разруха, переживаемая страной, развертывает перед нами вную картину чем та, которую признала желательной программа: катастрофическое падение производительных сил не только не удастся превратить в повышение их, но часто не удастся даже остановить» (курсив О. Ч.).

Применяя выдвинутый указанной резолюцией критерий, мы можем сказать, что органы, ведущие управление народного хозяйства не оправдали возложенных на них надежд. Результат деятельности их выражается величиной скорее отрицательной, чем положительной. Не нам, конечно, выступать в роли защитников этих, по существу своему бюрократических и чиновничьих, органов, но во имя справедливости необходимо отметить, что вина за хозяйственную разруху и неумение преодолеть ее падает не только на эти органы, но не в меньшей мере и на постановку дела, придающую социальной революции характер замкнутого в «пролетарские рамки», и лишенного благодаря этому объективности широкого творческого размаха, дви-

Мне не надо земного хлеба.
Посмотри:
Видишь —
Сгораю,
Видишь —
Земные рельсы как петию дунят!
О Господи!
Измыли ревы и лан
Душу!

Юлиан Сиренев.

Из поэмы «Слезы зажать кулак».

Судьба огрызнулась. Подол ее выпачкан
Твоим криком предсмертным... О ком?
А душа не умеет на цыпочках,
Так и топает сапогом.
Небо трауром туч я закрою.
Кукушкой гром прокудахчет в простор.
На меня свой мутный зрачек с ханжой
Графин, как циклоп, умер.
Умереть?
Не умею. Ведь
Остановка сердца отменяется...
Одиночество, как лапу медведь,
Сосет меня ночью и не наедается.
Любимая! Умерла! Глаза, как конвой,
Озираются: Куда? Направо ли? Прямо?
Любимая! Как же? А стихам какво
Без мамы?!
С 917-го года
В обмен на золото кудрей твоих
Все стихи тебе я отдал.
Ты смертью возвращашь их.
Не надо! Не надо! Куда мне!
Не смею
Своим именем окропить тишину!
Со стихами, как с камнем
На шею,
Я в мире иду ко дну.
Помню: сколько раз с усопшей моею
Выступал на крестовый поход любви.
Ах, знаю, что кровь из груди не краснее,
Не краснее, чем губы твои.
Знаю: нули,
Что пели от бояи
В июле:
Фиють... Фиють...
Вы не знали: в ее ли,
В мою ли
Вжалились грудь.
Мир! Бредя наугад и пой!
Шагай, пока не устанут ноги!
Нам сегодня кровавый с тобой
Не по дороге!
Из евангелия вырвал я начисто
О милосердии страничку и в згу!
На чорта ли эти чудачества,
Если выполнить их не могу!
Какие то глотки святых возвещали:
— В начале было слово... Ненужная весть!
Я не знаю, что было в начале,
Но в конце — мести!
Душа обнищала... Душа босиком...
Людей болтливых мимо я...
Знаю теперь: на свете каком
Неведом нежности поймаю любимую!

Эти строки с одышкой допишет рука,
Отдохнут занывшие плечи, —
И да будет обоим земля нам легка,
Как легка была первая встреча!
1919 осень.

Вадим Жерменевич.

* *

Земная бомба ровно кружится,
Сметая крохи черствых дней,
И чуть-чуть-чуть теплее лужица
Забавно-красная на ней.
Каких-то блошек плачут сироты,
Какой-то крелик вздела мать,
И на щеке земельной вырты
Могилки. Гочекн и гладь.
Кто рассмеется? Кто рассердится?
Горят лавины звездных льдов.
Земная бомба ровно вертится,
Стряхая выкрохи годов.

Сергей Третьяков.

* *

Нивы сжаты, роши голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.
Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось.
Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягая в наши сани.

Сергей Есенин.

КОММУНА МЕЧТАТЕЛЕЙ^{*)}.

..Возможна Коммуна Мечтателей.

Что есть «Коммуна»?

Она не есть равенство: братство она: идеал достижения на физическом плане есть братство; свобода уже достижима в душе; достижимо лишь в духе свободное равенство; равенство, братство, свобода слагают отчетливый треугольник; но треугольник построен здесь в трех измерениях; соединить достижения равенства с братством в свободе — проблема, к которой едва мы подходим; предполагает она: соединенье души, тела, духа в согласную целостность; вычерчивая треугольник на плоскости материальной действительности получаем мы равенство прав при неравенстве устремлений к свободе и братству; получаем свободу при хаосе всех отношений. Соединить душу, тело и дух в неделимую целостность кто это может теперь, на земле?

^{*)} Отрывок из книги «Записки мечтателей», № 1. Изд. «Акенест». Петербург. 1919 г.

Устроив Коммуну, обыкновенно проводят в ней равенство: но не равны мы, мечтатели; если б мы были друг другу равны, то не стоило нам бы писать: надоела бы мы скоро друг другу; в Коммуне «Мечтателей» провозгласим же не равенство; мы, «Мечтатели» — лес; растопырилишь кроны вершинных стремлений — космато неравно; вон — яблоны; вот — тонкий тополь; вон — дуб; их ничто не сравняет. Пожалуй, в стволах, они равны. Что есть в нас наш ствол? Ствол в нас — личность. Но ствол от ствола отделен в лесной роще; соединить их насильственно — значит из леса построить забор; и в коммунальном строительстве сверху, как часто взводят заборы и думают, что заборы, где бревна равно все обтесаны, пригнаны однообразно друг к другу, — что эти заборы заменят веселую рощицу; рощица — целостность; в этом смысле «коммуна» она; но она растет снизу, естественно, медленно вызревая в годах, и сплетаясь вершинами листьев. Сплетение стволов, или личностей, всаженных сверху нелеными кольями в землю и спаянных скрепами — нас ужасает; как личности, может быть, мы бежим друг от друга; но — братски мы тянемся в высях — вершинами.

Что в нас крона, шумящая над стволом нашей личности обособленной и замкнутой в собственном росте? Конечно же, «индивидуальность» — она; «индивидуальность» — над личностью; индивидуальность — вышлена; но представление о ней, как о шпиге, ошибочно; в индивидууме «растворяется, разветвляется личность, исходит мечтательным шелестом листьев, цветами; как сумма стволов, мы равны: но здесь равенство нас в нашей бедности, в однообразии интересов, в отсутствии красоты; нет «товарища» — товарищ тогда, когда он не «товарищ», а — более: брат; в братстве ширимся мы, обнимаемся мы, образуя коммуны вершин, образуя коммуны из листовенных шепотов, песен; о чем эти песни? О том, что несет буйный ветер из громкого мира событий на нас. Обрубите нам кроны; и «лепет» согласия песен умолкнет; заборы из бревен не радуют слуха: они не лепечут, а — жалко трещат. Коммуна, построенная лишь на равенстве голых стволов, убивает свободу напева; в ней срублены ветви; и братство обятий отсутствует; голые палки торчат; в нашем мире коммуна есть «братство». Мечтатели — братья. Но лес образует не только лишь чащу деревьев; за-

водятся в нем голосистые птицы и пчелы, бабочки вьются над шепотом листьев его; перелетают свободно они, переносят пыльцу от деревьев к деревьям; и рост, размножение, обсеменение леса зависят от бабочек, запорхавших над ним; так без свободы бабочек (бабочки — души мечтателей) не созреют плоды, не родятся деревья. К стволам вольных бабочек, если ж лес превратить в коммунальный забор из стволов, то исчезнут и пчелы, и птицы, и бабочки; только из братства рождается душа свободы в коммуне деревьев; из равенства голых стволов не родится свобода.

Лес не есть целостность, состоящая из деревьев и пчел, прилетающих к ним по он — целостность этих деревьев и воздуха; лес испаряет обильную влагу; а влага стучаается в облака; где есть леса, там обильные осадки; там край благоденствует; там деревья-мечтатели отдают свою влагу на общее дело; и елки, струясь в ясный день, соединяются в небе: облако — произведение духовной культуры мечтателей; то — Коммуна, которую видит прохожий из далей (не видит он рощицы); произведение духовной культуры страны есть единство; в нем мы умираем, как личности, и — воскресаем, как равные в духе, в воссозданном Граде; живейшими, равными каплями мы проблетаем из духа; забор, т. е. равенство личностей — не испаряет.

Записки Мечтателей — осознание себя рощицей, росшей годами; — разбросанные кучки деревьев и стволы этой рощицы отстоят далеко друг от друга, чтобы выветвить индивидуальные кроны, способные братски обняться и прошуметь песни времени, посылая друг к другу свободно порхающих бабочек: вырастить поросль; мы — рощица; не превращайте в забор нас: заборы не вырастят поросли; местность же, наша страна, ждет от нас тихоструйного облака; не превращайте в заборы нас: если все рощи скрепятся в заборы — изменится климат.

Обыкновенно редакторы нападают на дерево, невзраченное ими; растить не умеют они; и так скольких из нас погубили! Строительство жизни, вызывающее к соединению равенства, братства, свободы и не умеющее гармонически сочетать эти принципы, — нас заставляет сказать: сочетание это — в согласии поющих деревьев, — стволами отдельных (не сцепленных) и свободно летающих души друг друга при помощи бабочек, стре-

ющих облаке Нового Мифа. Не сочетание возможно лишь в Новой Коммуне (Коммуне, естественно вырастающей снизу, не осаждаемой сверху); мечта о подобной коммуне — в нас даже не песня, а — веянья песни, струимой из лепета испарением еще не видного облака; чтобы некогда облако это взшло над страной; надо нам, одиноким «мечтателям» осознать, что коммуна «мечтателей» создаваема при условии отдельности личностей, выветвляющих индивидуально растущую крону и посылающих друг ко другу в свободе полета своих птиц и пчел. Обособление личностей для слияния их в индивидууме поэтической, сочетание тайны единства и множественности — вырастает отсюда; и вырастает отсюда возможность понять, как углами неставить загадочный треугольник из слов по отношению к четырем сторонам горизонта.

Андрей Белый.

МОЛЧАЛЬНИЦА.

Почему молчит русская литература — никогда не бывшая молчалиницей? Вопрос, который не нам, современникам, разрешить. Но как быть, если каждый раз, думая о литературе, наталкиваешься на этот вопрос. О чем болел сейчас писатель? Что случилось с его пером?

Русская литература молчит вот уже пять лет. Начало войны привело ее к молчанию. Сдвиг войны в конце отразился на ней очень мало. Письма Ф. Степуна, фальшивые записки В. Ропшина — и только. Революция не сняла тяжелых уз немоты с обмершего художественного слова. То, что называлось литературой русской, живая и широкая ее вода — ушло в землю. Обнажилось дно. Но не на дне же искать разгадку тяжелого молчания?

Нельзя ждать монументальных произведений в дни, подобные нашим. Их некогда писать, их тесно писать. Дай Бог явиться им лет через пятьдесят — семьдесят. Если бы они возникли сейчас и очаровали — мы не в праве были бы поверить этому очарованию. Но песни Ф. Сологуба о войне, песни Э. Гиппиус о революции, две-три песни, два-три намфлета не только не монументальны, они вовсе вне литературы.

Не молчал А. Блок. Не молчал А. Белый. Говорили молодые поэты. Рес Клюев. Нача-

лось как будто живое движение в элементарной и подражательной пролетарской литературе. Но ведь это все — свои. Одна-две ограниченные грани обширной литературы. Этими именами начинаются сейчас и заканчиваются едва ли не все списки действительно проявляющихся писателей — журнальные, пролеткультные и литературно-академические. Но как бы милы нам эти имена ни были — мы должны пройти мимо них.

Молчание о современности и общественности может быть основной волею писателя или литературы данной эпохи. Такого рода молчание подчас умерщвляет литературу — когда писатель не способен разрешать задачи высшего порядка, но чаще поднимает литературу на недосыгаемую высоту, вводит современность в общий, уже не внешне-литературный, а историко-биографический и философский рисунок.

Отзывы на современность и ее общественность подчас прижимают литературу — когда писатель беден мыслью и слепо предан временному, но иногда и сами эти отзывы поднимаются до высоты подлинно-художественной. Прекрасный образец живой и художественной литературы, совместившей оба задания — проза Пушкина. Она необычайно телесна по интонациям, по инструментровке, по материалу. И в то же время ни одно ее слово не сводит замысел Пушкина до ранга «малой литературы». То же и в «Герое нашего времени» Лермонтова. Но уже Гончаров очень часто не столько писал, сколько «живописал». Дурная манера инсценировки, свойственная «малой литературе» искажила большую половину «Воскресенья» Л. Толстого.

Русская литература не молчала о современности. Величайшие ее представители заменяли понятие «современности» понятием «действительности» и упорно боролись с этой темной и жестокою действительностью. От этого у них всегда была близкая возможность исхода в религию, в философствование или в тот своеобразный русский литературный эстетизм, который пытался создать на потребу тоскующему человеку амальгаму из слов: красота, истина, добро, и спасти его этой амальгамой. Писатели второго ранга кончали ниже. Они заняли среднюю линию между обличением, анализом, художественным воплощением и публицистическою проповедью. На эти две неравные количественно и качественно группы распадается вся сокровищница русской литературы. И в размежевании этом